

Недавно на литературных страницах «Русской мысли» была напечатана статья Лазаря Городницкого «В поисках адресата». Речь шла о потаенной любви Игоря Северянина — об Антонине Константиновне Борман, к которой обращен цикл интимных стихотворных посланий поэта, написанных в 1930 году.

Борман... Фамилия эта мне давно знакома. Два десятка лет тому назад доводилось мне слышать ее от Юрия Дмитриевича Шумакова — поэта, переводчика, мемуариста, уроженца Таллина, активного участника литературной жизни Эстонии тридцатых годов. Я любопытствовал: не приходилось ли ему знать Сашу Черного?

— Увы, мы разминувшись во времени и пространстве. Саша Черный жил во Франции, где и скончался в 1932 году. А в Эстляндии он бывал еще до того, как появился на свет Божий (Ю.Д.Шумаков 1912 года рождения. — А.И.). До революции Саше Черному случалось бывать в Усть-Нарве, которая на рубеже двух веков превратилась в модный курорт, притягивавший художников, музыкантов, литераторов, ученых... Городок в сущности состоял из двух поселков: Шмеек (помните у Саши Черного стихотворение «Из шмеекских воспоминаний»?) и Гунгенбург. Тогда так и говорили: «Луга — петербургская округа, а Гунгенбург — его любил весь Петербург».

— Так что лично мне, — продолжал Юрий Дмитриевич, — видеть Сашу Черного не довелось. Но зато — это, вероятно, будет вам интересно — я встречался с дамой, которая в молодости была близка с Сашей Черным. Более того: была предметом его увлечения. Я говорю о Елене Константиновне Борман.

Отец ее — Константин Иванович Борман — из обрусевших немцев, служавший страховой компании «России» и дачевладелец. В Усть-Нарве он имел шесть дач-особняков. Семья была патриархальная, большая — 8 детей. Причем все дочери, пока наконец не родился наследник.

Елена Константиновна рассказывала, что в молодости она была хороша собой. Будучи натурой своенравной, эксцентричной, частенько уходила она через окно, поскольку в виде наказания родители заточали ее дома, а она стремилась вырваться из плена. Очень

Анатолий Иванов

«Говорите ль вы о Шелли, иль о ценах на дрова»

Об адресате лирики Саши Черного

любила лошадей — была, так сказать, амазонкой.

Вместе с Александром Михайловичем (Сашей Черным) Елена нередко совершала прогулки по живописным окрестностям Балтийского побережья. Надо сказать, что наш поэт не пользовался ее взаимностью. Просто был одним из многочисленных воздыхателей-кавалеров. Как бы в свите принцессы. В сущности это нельзя назвать романом: было ухаживание, были мадригалы, посвященные даме сердца. Разумеется, той было приятно, что в нее влюблен поэт, но... ответных чувств он в ней не пробуждал.

Более ничего не мог рассказать Юрий Дмитриевич, но благодаря даже этим лаконичным сведениям стало возможным качественно иное прочтение известных ранее текстов лирики Саши Черного. Мемуарное свидетельство и лирические стихи взаимно дополняли друг друга. Произошло как бы наложение эксцентричной натуры Елены, окружающей обстановки и прочих обстоятельств на образ лирической героини — «подруги» поэта, отчего описание обрело зримую плоть и биографическую узнаваемость:

*Вы сидели в манти на скале,
Обхвативши руками колена,
А я — на земле,
Там, где таяла пена, —
Сидел совершенно один
И чистил для вас апельсин.
Оранжевый плод!
Терпко-пахучий и плотный...
Ты наливался дремотно
Под солнцем где-то на юге,
И должен сейчас отправиться*

*в рот
К моей серьезной подруге.
Судьба!
Пепельно-сизые финские волны!
О чем она думает, обхвативши
руками колена
И зарывшись глазами в шумящую
даль?*

*Принцесса! Подите сюда,
Вы не поэт, к чему вам
смотреть,
Как ветер колотит воду
по чреву?
Вот ваш апельсин!..*

Конечно, к стихотворному тексту нельзя подходить как к документальному свидетельству. Здесь возможны домыслы, контаминации, инверсии, сдобренные к тому же дозой лирического хмеля — «ведь фантазия поэта, как испанский гобелен». Никто не собирается посягать на право творца. Это святое.

Так-то оно так. И все же — с этим тоже бессмысленно спорить — поэзия рождается не на пустом месте, вырастает из реальных фактов бытия, впечатлений, переживаний, чувств (подчас даже из «со-ра», по выражению Ахматовой). Именно они играют роль первоначального импульса к творчеству и чудотворчеству. Дотошному исследователю, само собой, охота дойти до истоков, докопаться до конкретной житейской подосновы, художественно переосмысленной, вкрапленной фрагментарно в ткань стиха.

Вот только один образчик. Реалии «безответного увлечения» поэта проступают, как мне представляется, еще в одной из гунгенбургских картинок или, вернее, шарже, а может, автошарже. Это «Послание пятое», не включенное Сашей Черным в книгу «Сатир» (к слову спросить: почему не включенное?):

*Крутя рембрандтовской
фигурой,
Она по берегу идет.
Слежу, расстроенный и хмурый,
А безобразники-амуры
Хохочут в уши: «Идиот!»*

*Ее лицо блее репы,
У ней трагичные глаза...
Зачем меня каприз нелепый
Завлек в любовные вертепы —
Увы, не смыслю ни аза!*

Правда, эта «инфернальная женщина» не очень-то похожа на взбалмошное юное создание, какой (судя по изустным мемуарам) была в ту пору пассия поэта. Но вот деталь, невольно отсылающая нас к «шмеекским воспоминаниям» самой Елены Константиновны, — деталь, касающаяся ее летнего окружения:

*При ней четыре рамоли,
По одному подходят к ручке.*

*Я, не причастный к этой кучке,
Томлюсь, как барка на мели.*

Сюжет с «курортными амурами» Саши Черного можно было бы считать исчерпанным, если бы он не получил неожиданного продолжения.

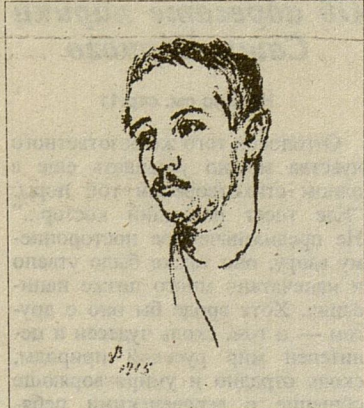
Как-то, лет десять тому назад, заведующий отделом звуковых записей Литературного музея Лев Алексеевич Шиллов сказал мне о своей беседе с Ириной Константиновной Борман, в которой упоминался Саша Черный. И любезно предоставил возможность прослушать эту магнитофонную запись.

Опять эта фамилия — Борман. На сей раз Ирина Константиновна Борман (1901-1985). Она была поэтессой, выступавшей под псевдонимом ИрБор. Примерно на десяток лет была младше Елены. Стало быть, когда Саша Черный ухаживал за старшей сестрой, Ирине было около семи лет. Она запомнила только ермолку, которую носил поэт, и синюю бархатную куртку. Да еще: жил он неподалеку, в доме у моря. Дом этот якобы принадлежал старшим сестрам поэта, к которым тот приезжал как гость. (Замечу: данная подробность представляет особый интерес, ибо в биографии Саши Черного немало «белых пятен» и уж почти совсем ничего не известно о его родне).

Итак — Елена... «Она стреляла из лука, скакала на лошади и плавала, плавала, как богиня... В Петербурге держала у себя... пантеру (про нее даже папа не знал!). Ходила в «Бродячую Собаку», куда водил ее Саша Черный», — так характеризовала Ирина Константиновна свою старшую сестру.

По прошествии лет, уже взрослой, Ирина приступила к ней: «Расскажи! Что у вас было? Как было?» Та припомнила, как они с Сашей гоняли на велосипеде в морскую кофейню — пить кофе. И все.

«Ну а стихи, посвящения? Ведь они были?» Конечно, были. Однако не очень-то они интересовали Елену. «Вот такое отношение», — заключила свой рассказ Ирина Константиновна.

Саша Черный.
Портрет работы В.Фалилеева.
1915.

Любовная лирика... Считается, что таковая у Саши Черного отсутствует. «Горький мед» — под таким названием объединены стихи о взаимоотношениях мужчины и женщины. Но это не любовь в высоком смысле. Скорее карикатура на нее, суррогат, обывательская имитация.

И все же смею утверждать, что у Саши Черного можно отыскать чистую лирику. Отыскать непросто, ибо чаще всего она у него чересчур стыдлива, целомудренна, скрыта под иронией, защищена шутилой интонацией:

*Говорите ль вы о Шелли,
иль о ценах на дрова,
У меня, как в карусели,
томно никнет голова,
И под смокингом налево жжет
такой глухой тоской,
Словно вы мне сжали сердце
теплой матовой рукой...*

*Я застенчив, как мимоза,
осторожен, как газель,
И намека, в скромной позе,
жду уж целых пять недель.
Ошибиться так нетрудно, —
черт вас, женщин, разберет,
И глаза невольно тухнут,
стынут пальцы, вянет рот.*

Вправе представить, что адресатом этого полусутильного признания была «курортная» симпатия Саши Черного, отношения с которой (как это следует из приведенных выше воспоминаний младшей сестры) имели продолжение в Петербурге. И, видимо, носили они тот же характер — легкого, невинного флирта, игривой, ни к чему не обязывающей шалости. Хотя...

Судя по всему, за встречами, посещениями «Бродячей Собаки», комплиментами и стихотворными посланиями «современного Пет-рарки» таилось серьезное, глубокое чувство. Впрочем, как далеко зашли эти отношения — остается только гадать. Мы не знаем даже, вручил ли Саша Черный в действительности строки процитированного выше сердечного признания адресату. Или же совершил этот поступок лишь мысленно, в сослагательном наклонении, в стихах:

*Ваши пальцы будут эхом,
если вздрогнут, и листок
Забелеет в рысьем мехе
у упругих ваших ног, —
Я богат, как двадцать Крезов,
я блажен, как царь Давид,
Я прощу всем рецензентам
сорок тысяч их обид!*

Если ж... строки робкого поклонника будут возвращены — «с равнодушным баллом «пять»», то:

*Пафос мой мгновенно скиснет,
а стихи пошлю в журнал,
Где наборщик их оттиснет
под статью «Наш развал»,
Почтальон через неделю
принесет мне гонорар.
И напысь я, как под праздник
напивается швейцар!..*

Горькая усмешка над самим собой. Насколько известно, ни в какой журнал стихи эти не были посланы. И только лет через десять, уже в «другой жизни», «после России», на чужбине они увидели свет в берлинском издании «Сатир и лирики».

Об адресате лирики
Саши Черного

Начало см. стр.11

Отголосок того же безответного чувства можно услышать еще в одном стихотворении той поры: "Еле тлеет погасший костер..." Не предназначенное постороннему взору, оно также было утаено и напечатано много позже написания. Хотя вроде бы оно о другом — о том, сколь чудесен и целителен мир русской природы, сколь отраднo и умиротворяюще обхождение с деревенскими ребятами, с мудрым, словно пророк Илия, пастухом...

И подлинно: мир гармонии. Нирвана. Почему же тогда таким диссонансом звучат заключительные строки, исполненные глухой тоски, душевной расправы и смуты:

*Вы ошиблись, прекрасная леди,
Можно жить на земле и без вас!*

Знаменательная обмолвка. Вроде бы точка поставлена. Конеч. Поэт сумел отвергнуть "сладкий плен". Но, вопреки утверждению, слышится обратное... Слышится вздох сожаления и неизжитой боли.

Вот такая повесть. Повесть, начавшаяся с банального курортного знакомства, когда поэт "приударил" за очаровательной барышней (вспоминается "Дама с собачкой"). Однако следы и меты сердечного увлечения обнаруживаются в целом ряде лирических, вернее лирико-иронических стихов Саши Черного, образуя некий любовный цикл.

Конечно, история эта как бы недопроявлена. В ней много зыбкого, эфемерного, основанного на догадках, интуиции и на воспоминаниях, увы, не слишком-то информированных. Время упущено. Потенциальные рассказчики и очевидцы, как это ни обидно, давно переселились в мир иной. Впрочем, сохраняется надежда, что когда-нибудь в семейных или государственных архивах обнаружатся неизвестные доселе сведения и письменные источники, проливающие свет на историю взаимоотношений Саши Черного и Елены Борман.

Итак, две сестры Борман — Елена и Антонина — явились покорительницами сердец Саши Черного и Игоря Северянина. Факт, заставляющий задуматься. Случайное ли совпадение? Или сестры обладали каким-то особым, передаваемым по наследству магическим обаянием, способностью покорять и притягивать служителей муз.

В свете сказанного позволю напомнить о некоторых других семейных кланах, в коих сестры становились спутницами жизни поэтов либо — что еще более важно — их музами. Теми, к кому обращены бессмертные строки любовной лирики.

Сестры Каган... Надо ли что-либо пояснять? Достаточно назвать их имена, получившие широкую известность: Лиля Брик и Эльза Триоле...

Сестры Соук... Все три стали избранницами поэтов из Одессы: Эдуарда Багрицкого, Владимира Нарбута и Юрия Олеши (последний, правда, перешел на прозу).

Сестры Синяковы... В их харьковском доме поэты были желанными гостями. Сестрам в разное время оказывали знаки внимания Хлебников, Петников, Пастернак... А одна из них, Оксана, стала женой Асеева.

Называю первое, что пришло на ум, лежащее на поверхности. По всей вероятности, перечень этот можно продолжить. Вот и сестры Борман, доселе выпадавшие из литературного поля зрения, теперь могут быть включены в этот поэтический круг.

Нет, определенно, в этом что-то есть...

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ

Москва

Название книги Павла Поляна намеренно нами "оспорено", ибо, как показывает история (да и сама книга), слово диктатура возможно лишь в единственном числе, и лики ее — в случае гитлеровской Германии и сталинского СССР особенно — удручающе взаимоподобны. Сказанное могло бы сегодня звучать прописной (пусть и трагической) истиной, если бы исследователь судьбы советских военнопленных и восточных гражданских рабочих не доказывал ее в своем труде с, выразимся так, структурной, композиционной изобретательностью. Об этом — ниже.

Монографию "Жертвы двух диктатур" должно бы прочесть "без сентиментальностей", как любил говаривать один из главных персонажей книги, генеральный уполномоченный по трудоустройству гауляйтер Фриц Заукель, казенный по приговору Нюрнбергского суда. Пусть не прозвучит мой совет кощунственно: это очень большое научное исследование (450 страниц очень мелким шрифтом), со статистическими таблицами, сопоставлениями, картами, документами, приложениями, безупречным справочным аппаратом...

Не принято говорить о стиле прежде самого предмета, но все же скажем сразу: автор "Жертв двух диктатур" — не только историк, но и литературовед (и поэт), сумевший повествовать языком острого очерка, не отказывая себе и в, конечно же, горьком, даже черном, но — юморе. Вот, например, об идеологических метаниях нацистов по поводу трудоустройства в Рейхе советских военнопленных и оstarбайтеров ("восточных рабочих"): "Между тем — пока расчетливые идеалисты возвращались в мир экономических и прочих реальностей и, скрепя свое нацистское сердце, примирялись с печальной необходимостью употребления восточнославянского труда, — в реальной жизни начались процессы малопривлекательные: новоразрешенная рабочая сила неожиданно быстро стала уплывать из рук, причем непосредственно в мир иной".

"Эта книга — о миллионах", — первые слова автора. Уточним вслед за ним же: примерно о 8,5 млн. военнопленных, ostarбайтеров, беженцев и т.д., оказавшихся во время войны принудительно или добровольно на территории Германии и ее союзников. Писалась книга шесть лет (при деятельной помощи Ж.Зайончиковской и И.Заславского) — с кропотливейшей проработкой обширной литературы (впрочем, не столь многочисленной, как могло бы быть), архивных источников, ранее закрытых, фото- и киноматериалов... (Рассматривать фотографии, помещенные в книгу, — со-

Жертвы одной диктатуры

Впрочем, П.Полян зримо и незримо проводит мысль, что коллаборационизм во время Второй Мировой войны был понятием весьма расплывчатым и относительным. "Таких масштабов коллаборационизма, как в годы Великой Отечественной войны, российская армия не знала, пожалуй, со Смутного времени".

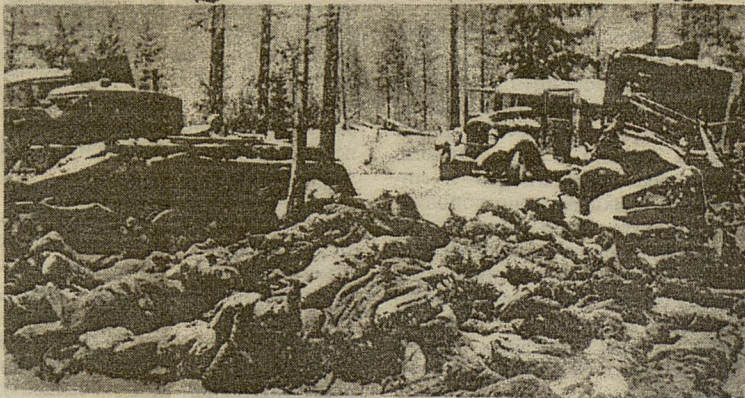
Поскольку цель моя — не отрецензировать, а скорее представить книгу читателю, то я, пожалуй, дам выдержку из очень четко составленной аннотации:

"В первой главе показаны исторические предпосылки принудительного трудоустройства гражданских лиц в Германии, охарактеризована не менее тяжкая участь советских военнопленных в немецком плену (...) Во второй — (...)

др.). В пятой — показан ход репатриации из европейских государств и США, в первую очередь из союзнических оккупационных зон в Германии и Австрии. В шестой — обстоятельства приема репатриантов на родине и их, фактически на правах второсортных граждан, послевоенной жизни, а также судьба оставшихся на Западе "невозвращенцев" (составивших вторую волну эмиграции. — М.Ж.). Наконец, в седьмой рассмотрен вопрос о гуманитарном урегулировании Германской проблемы выплаты компенсации за подневольный труд бывших ostarбайтеров и военнопленных".

И вернемся к параллелизму в описании П.Поляном "двух диктатур". Вот драматическая деталь. Украинские кре-

ТОВАРИЩИ — КРАСНОАРМЕЙЦЫ

ПОДПИСКИ ТОНЯТ ВАС НА СМЕРТЬ, А ВЫ ОТВЕЧАЙТЕ ИМ: "УМРИ СМ. СОБАКА".

Листовка, распространявшаяся противником среди красноармейцев.

описываются собственно обстоятельства принудительной "вербовки" и депортации в Германию. В третьей — обстоятельства жизни и трудоустройства этих людей в Германии (их правовой статус, условия труда и быта, питание, медицинское обслуживание, досуг и т.п.). В четвертой главе обозначены создание в СССР органов репатриации и соответствующей организационно-лагерной инфраструктуры, юридическая основа репатриации (договоры в Ялте и

статье встретили немцев относительно дружелюбно в первую очередь потому, что надеялись на уничтожение (отмену) колхозов. Преданные идеалам частной собственности, немцы поначалу и решили колхозы распустили, а скот и землю поделить между крестьянами. А потом подумали и... не стали. "Ударом по настроению крестьян была и частичная экспроприация скота — вполне советское мероприятие", — пишет П.Полян.

Да что украинские колхозы! Коллекти-

визация "рабочей скотины" (то есть трудоспособных человекоединиц) уже в планетарных масштабах и депортированными немцами, и репатрированными соотечественниками проводилась по более чем сходному архитектурному замыслу: те же сборные, пересыльные, фильтрационные и концентрационные лагеря, те же грузовики и товарные вагоны (только в разных направлениях), та же система учета и "фильтрации", те же методы эмоционального и физического воздействия, те же обещания, та же агитационно-плакатная эстетика, та же (и на чужбине, и на родине) социально-правовая и гражданская второсортность... Там "отфильтровывали" евреев, комиссаров и саботажников, здесь — ингерманландцев, власовцев и дезертиров, — какая разница? Недаром ведь подраздел о начале советского "освобождения из неволи" П.Поляном не без остроумия назван "Анти-Заукель" и его органы репатриации: рождение и первые шаги". Где же тут две диктатуры?

Но самый масштабный и впечатляющий параллелизм кроется там, откуда родилась, собственно, обсуждаемая проблема: в экономической, по словам автора, обреченности нацизма — именно обреченности на использование рабского труда. Все несчастье в том, что гомогенная экономическая обреченность коммунизма дала о себе знать существенно позже.

Такие труды, как "Жертвы двух диктатур" (он итотжит полувековой опыт научных и беллетристических подходов к этой теме), принято называть фундаментальными. Вряд ли другие ученые в ближайшем будущем кардинально расширят его информативную полноту. Коррективы же оставляем специалистам.

21 апреля в Петербурге состоялась презентация книги "Жертвы двух диктатур", организованная "Мемориалом" и "Гражданским контролем" в рамках проекта "Гражданская инициатива" при поддержке фонда "Бундштифт" (Германия). На нее пришли и выступили бывшие военнопленные, ostarбайтеры, узники концлагерей (в т.ч. и те, что во время войны были несовершеннолетними).

МАНУК ЖАЖОЯН

Санкт-Петербург

Из провинции с любовью, или Взгляд Улисса

Московский литературный критик, член редколлегий "Нового мира" Сергей Костырко выпустил в свет книгу повестей и рассказов.

Герой рассказа добивается-таки своего — учится в Москве ("институт был в трех минутах ходьбы от Красной площади"), защищает кандидатскую диссертацию, про-

рейские корни). И вот он в Париже, и все в порядке, и работа на ТВ... Только вот какая заковыка: уже подав документы на выезд, он влюбляется, и женщина рождает ему